

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕПРЕССИЯХ 30-х гг.

Только что завершил чтение и перевернул последнюю страницу книги «Керим Мамедбеков – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана», изданной в Махачкале автором многочисленных публикаций и ряда монографий на чекистскую тематику, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИИАЭ ДНЦ РАН Сагимом Ильясовичем Сулеймановым. Она состоит из трех глав, в которых автор рассказывает о жизни и деятельности Керима Гусейновича Мамедбекова, начиная с детских и юношеских лет, десятилетнего руководства чекистскими органами Дагестана и кончая шестилетним пребыванием в должности Председателя Совета Народных Комиссаров Дагестана, что свидетельствует о его кипучей энергии, стремлении сделать Дагестан цветущей республикой, значительно поднять уровень жизни горских трудящихся. Но, к сожалению, этот вдохновенный полет был прерван в сентябре 1937 г., и после годовых истязаний тюремщиков, приведших его к «признанию» несуществующих грехов, он был расстрелян в Москве. Вторая часть книги состоит из документов, воспоминаний и фотоматериалов, извлеченных из различных государственных архивов и подтверждающих его заслуги перед революционным движением и социалистическим строительством в Дагестане, а также действия НКВД вокруг его имени.

Книга производит ошеломляющее впечатление на читателя и вызывает уйму вопросов. И среди них один из важнейших: «Как могли люди, преданные революции и социалистической родине, отдавшие всю свою жизненную энергию делу созидания нового социалистического строя, долгое время занимавшие самые высокие должности в республике, вдруг оказаться «врагами народа», людьми, сознательно работавшими над тем, чтобы отделить Дагестан от России и уйти под протекторат буржуазной Турции?» На этот вопрос не так легко ответить. В книге С.И. Сулейманова в самом конце ее опубликован небольшой отрывок воспоминаний бывшего первого секретаря Дагобкома партии А.Д. Даниялова, в котором он проливает свет на поставленный вопрос: «В аулах, районах, городах началась «охота за ведьмами», т.е. за «последышами буржуазных националистов». Началось сведение личных счетов, оговоры и доносы на неугодных работников, подняли головы и недобитые, классово-чуждые элементы, всю старались карьеристы, шкурники, демагоги и клязники. Как много ни в чем не повинных людей пострадало! До единого были смещены с постов секретари райкомов, председатели исполкомов, большинство завотделами обкома, наркомов и другие работники» (с. 242).

Среди несправедливо осужденных оказались такие видные деятели Дагестана, как Джалалэддин Коркмасов, Нажмудин Самурский, Магомед Далгат, Алибек Тахо-Годи, Багаутдин Астемиров, Гаджибек Гаджибеков и многие другие. Среди них был и Керим Мамедбеков, прошедший большую школу жизни. Это был подлинный патриот, интернационалист, верный ленинец, боровшийся против всякой контрреволюционной нечисти, считавший своим священным долгом строительство государства рабочих и крестьян. В этом нас убеждает его послужной список: родился 28 марта 1899 г. в семье жителя азербайджанского селения Ерси Кайтаго-Табасаранского округа, в 1918 г. был членом Совета обороны и наркомом транспорта Дербентского Совнаркома, членом Астраханского губисполкома, в 1919–1920 гг. – военкомом Дагестанского конного полка, военкомом-начальником Дагестанского отряда, членом и заместителем заведующего секцией Астраханского бюро по восстановлению советской власти в Дагестане, военкомом Дагестана, чрезвычайным комиссаром Юждага, в 1920–1921гг. – членом Дагревкома и председателем революционного военного трибунала Дагестана, в 1921 – 1931гг. – председателем Чрезвычайной комиссии – начальником Даг.отдела ГПУ – ОГПУ, в 1932–1937гг. – председателем Совета народных комиссаров ДАССР. Кроме того, К.Г. Мамедбеков занимал

по совместительству целый ряд и других ответственных должностей: наркома внутренних дел (1921–1925), наркома финансов Дагестана (1925–1928), председателя Госплана ДАССР (1928–1930), первого заместителя председателя Совнаркома ДАССР (1928–1931). На него было возложено немало общественных нагрузок: в 1920–1937 гг. – член президиума и бюро Дагестанского обкома ВКП(б); член всех одиннадцати созывов ДагЦика, член комиссии ЦКК по чистке областного партактива (1929); член Северокавказского краевого комитета ВКП(б) (1933–1935); член Северокавказского крайисполкома (1932–1937); член ЦИК СССР всех созывов; делегат всех партийных конференций ДК ВКП(б); делегат XVII партконференции страны и XVII съезда ВКП(б). Нередко во время отсутствия Д.А. Коркмасова он оставался за председателя правительства Дагестана.

«Таково, – пишет С.И. Сулейманов, – лишь простое перечисление многотрудных дел, которыми занимался К.Г. Мамедбеков. Нужно быть поистине железным и неистовым, чтобы кругом успевать и все это выдержать».

Надо сказать, что К.Г. Мамедбеков неоднократно обращался с просьбой к руководству республики учесть его слабое здоровье и освободить от некоторых поручений, ибо «весьма трудно одному справляться со всей работой вверенного мне отдела ГПУ». Однако, как свидетельствуют документы, «многочисленные поручения продолжали сыпаться, часто в ущерб делам отдела ГПУ. Он жил и работал в исключительно сложных и противоречивых условиях».

За 10-летний период работы председателем ДагЧК К.Г. Мамедбеков сумел разоблачить подпольные контрреволюционные организации, связанные с зарубежными эмигрантскими центрами, ликвидировать более полсотни банд, окончательно разгромить банды Гоцинского.

« В борьбе с бандитизмом в Дагестане в 1921–1931 гг., – пишет С.И. Сулейманов, – проявили мужество, стойкость, высокую оперативную выучку и готовность к самопожертвованию представители разных народностей Страны Советов» (с.33). На фоне этого утверждения какими жалкими выглядят действия современных правоохранительных органов, которые не нашли каких-либо серьезных мер по прекращению убийств многих сотен горцев, о чем постоянно извещает наша независимая пресса.

Заслуги К.Г. Мамедбекова в борьбе с контрреволюцией и бандитизмом были учтены при назначении его в конце 1931 г. председателем Совнаркома ДАССР. При этом, как пишет С.И. Сулейманов, «К.Г. Мамедбеков направил всю свою энергию и силу на осуществление политических, социально-экономических и культурных программ Коммунистической партии в Дагестане. На этой высокой должности К.Г. Мамедбеков проработал до конца своей жизни. Неутомимая энергия, искренняя преданность делу позволили ему добиться в короткие сроки ощутимых результатов на всех участках работы. С его именем связаны многие перемены в социалистическом строительстве. За годы его деятельности осуществлена коллективизация сельского хозяйства и практически завершена культурная революция» (с. 122–123).

На 12-й Вседагестанской партконференции (январь 1932г.) К.Г. Мамедбеков выступил с программной речью «Вопросы промышленного строительства в Дагестане на 1932 год», в которой поставил задачу «решительной перестройки всей работы во всех областях социалистического строительства». В 1932–1937 гг. в своих докладах он выдвигал многие важные вопросы: совершенствование деятельности советских органов, развитие экономики, культуры, здравоохранения, строительство жилья, оросительных систем, водопроводов, дорог, школ, градостроительства, переселение горцев на плоскость, мелиорация, посадка садов и виноградников, переработка сельхозпродукции и т.д. В 1937 г. в республике имелось 205 предприятий крупной промышленности, «Дагестанская правда» писала: «Нефтяная промышленность Избербаша и Ачи-Су обязаны своим рождением Кериму Мамедбекову». При Мамедбекове было начато и завершено строительство Гергебильской ГЭС, широкий размах в те годы получила культурная революция, борьба за ликвидацию неграмотности населения, массовое строительство школьных зданий, очагов культуры, посылка дагестанцев на учебу в Москву и другие города России.

«В воспоминаниях современников, – пишет автор книги, – К.Г. Мамедбеков представлен человеком, масштабно мыслящим, с развитой политической интуицией, при этом весьма скромным, тактичным, обаятельным, добрым и искренним» (с.134). У него была достойная подражания и личная жизнь. Он был образцовым семьянином, прекрасным отцом. Можно сказать о Кериме Мамедбекове, что это была светлая личность, за короткое время сумевшая показать, что может сделать человек, если ему доверена такая высокая должность, как председатель Совнаркома Дагестана.

Как говорил великий иранский поэт Рудаки, «годы весны сменились годами суровой зимы». Наступил кровавый 1937 г., вобравший в себя элиту дагестанского общества. Однако настоящая «охота на ведьм» началась в Москве, где 22 июня 1937 г. поздно ночью работниками НКВД были арестованы два видных политических деятеля Дагестана: Джалалэддин Коркмасов, бывший председатель Совнаркома ДАССР, заместитель председателя Совета национальностей ЦИК Союза ССР, и Алибек Тахо-Годи, бывший нарком по продовольствию, нарком просвещения, прокурор ДАССР, помощник заведующего отделом школ ЦК ВКП(б). Оба были видными деятелями страны, Коркмасов получил высшее образование во Франции, в Сорбоннском университете, Тахо-Годи – выпускник Московского государственного университета. Оба были активными участниками революционного движения и социалистического строительства.

«В процессе длительного заключения под стражей, – говорил на научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Д.А. Коркмасова, доктор исторических наук, профессор А.И. Османов, – без каких-либо процессуальных действий, связанных с установлением его вины, по странному стечению обстоятельств спустя 4 месяца в ночь на 27 сентября родился «признательный» машинописный протокол допроса, легший в основу срочной передачи дела на заседание выездной военной коллегии, состоявшееся утром того же дня и длившееся бесконечную вечность – 10 минут, спешно вынесенное приговор, тут же приведенный в исполнение во внутреннем дворе Бутырской тюрьмы г. Москвы» («Джалалэддин Асельдерович Коркмасов – выдающийся государственный и общественный деятель России и Дагестана». Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения (М., 2009. С. 11).

В рецензируемой книге имеется «Выписка из протокола допроса обвиняемого Коркмасова Д.А.» от 15 июля 1937 г. (машинописная копия), которая свидетельствует о применявшихся против него физических действиях, после чего он стал давать так называемые «признательные показания».

На вопрос: «Каким образом возникла тогда эта организация, и в чем заключалась ее практическая деятельность?» Коркмасов дал такой смехотворный ответ: «К тому времени (1921 г.) я был уже законченным националистом (! – подчеркнуто нами) – тюркофилом. Националистом я стал в период своего пребывания за границей в Турции с 1908 по 1912 г. По приезде в Дагестан (в 1917 г.) из Франции я попал в окружение таких же националистов–тюркофилов, которые впоследствии (с 1920г.) занимали ответственные посты в течение десятка лет в правительстве Дагестана». В составе членов этой контрреволюционной организации были названы Самурский, Тахо-Годи, Ахундов, Ибрагим Алиев, Магомед Далгат, наркомвнудел Мамедбеков и многие другие. Все они, конечно, были арестованы, и с ними первый допрос обычно начинался со ссылки на «признание» Коркмасова.

На основе таких «признаний» был арестован и 9 октября 1937 г. коллегией Верховного Суда СССР осужден по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу А.А. Тахо-Годи, который был обвинен в проведении антисоветской националистической деятельности в период своей работы в Дагестане и затем в Москве (см.: Научное наследие А.А. Тахо-Годи. – Махачкала, 2007. Ч. II. С. 413).

27 сентября 1937 г., обсуждая статью «Правды» «Гнилая позиция Дагестанского обкома», бюро обкома партии впервые отнесло к буржуазно-националистическим, контрреволюционным элементам, находящимся на руководящих постах в республике, К. Мамедбекова и М. Далгата. С этого времени обком взял курс на «беспощадный разгром прита-

ившихся, замаскировавшихся, подлю двурушничавших контрреволюционных националистов, сомкнувшихся в своей подлой вражеской работе с троцкистско-бухаринскими бандитами». Бюро обкома ВКП(б) исключило из рядов ВКП(б) Магомеда Далгата как контрреволюционного буржуазного националиста, выученика и последователя **фашиста-националиста** (!?) Коркмасова; Керима Мамедбекова как покровителя и сообщника буржуазных националистов и троцкистских бандитов, как троцкистки Эрлих Любови (жена Мамедбекова).

Восьмым пунктом бюро обкома ВКП(б) подчеркнуло, «что презренные враги народа, долгое время орудовавшие в Дагестане (Коркмасов, Далгат, Мамедбеков, Дебир Саидов, Колесов, Хан-Магомедов, Цехер, Ибрагим Алиев, Тагиев, Гозенпуд, Астемиров, Ольшеский, Нуров и др.) оставили немало вражеских корешков, своих пособников, которые, используя кулатско-мульские элементы, всячески вредят в области колхозного строительства, на идеологическом фронте, в области культуры, в промышленности, культивируют феодально-крепостническое отношение к женщине-горянке, ведут религиозную пропаганду».

Читаешь этот так называемый партийный документ, быстро состряпанный после появления указанной (явно заказной) статьи, в которой не было ни грана правды и справедливости, и на ум приходит мысль, что каждый, еще пользующийся благосклонностью центра, думает как бы выгородить себя за счет потопления недавних соратников. Это первое. Во-вторых, решение бюро было принято руководством в срочном порядке с конкретными оргвыводами, давая правовую оценку бывшим секретарям обкома, председателю ЦИКа, председателю СНК, наркомам, что, конечно, надлежало провести судебным органам. Как можно было оскорблять Коркмасова, назвав его фашистом-националистом, Магомеда Далгата – контрреволюционным буржуазным националистом, Керима Мамедбекова – покровителем и сообщником буржуазных националистов?!

Мои наблюдения, сделанные во время чтения книг о Коркмасове, Тахо-Годи, Самурском, Астемирове, Мамедбекове и других, приводят к следующим выводам:

1) Люди, интеллектуально развитые, на деле участвовавшие в революционной борьбе, строительстве социалистического строя, гордившиеся этим, попав в лапы НКВД и таких извергов, как Ломоносов, Камфорин, Конарев и др., вначале свой арест интерпретировали как ошибку, затем долго убеждали, что они ни в чем не виновны и отказывались подписывать предложенные тюремщиками и Ломоносовым версии о своем участии в контрреволюционных организациях. В ответ тюремщики применяли к ним жесткие меры физического воздействия: били, не давали спать, проводили допросы глубокой ночью и т.д. Не каждый человек мог все это выдержать и в какой-то день подследственный заявлял, что хочет «разоружиться» и «признаться». И кто шел на этот шаг, того обычно приговаривали к высшей мере наказания. Хотя, может быть, они рассчитывали на снисхождение.

2) Среди арестованных было немало настоящих коммунистов, которые не совершали никаких диверсий против партии и страны. Более того, они считали, что советский строй – самый приемлемый для простых граждан, и в своих письмах домой (которые, наверное, читали энквэдэшники) обращались к своим детям, чтобы они никогда не изменяли советской власти и учились достойно. А сами не допускали малодушия, не наговаривали на себя. И в результате они миновали расстрела, хотя 15–20 лет скитались по российским ГУЛАГам.

Среди первых были Коркмасов, М. Далгат, Тахо-Годи, Самурский, Керим Мамедбеков и другие.

Более четырех месяцев Керим Мамедбеков, находясь под следствием, говорил только правду, ничего не утаивая, но следователи ждали от него не это, а признания в тех грехах, которые ему подготовили тюремщики во главе с наркомом внутренних дел Ломоносовым, имевшим четырехклассное образование, и начальником 4 отдела УГБ НКВД ДАССР ст. лейтенантом госбезопасности Камфориним.

Четырехмесячное правдолюбство К.Г. Мамедбекова кончилось 7 февраля 1938 г., когда он отправил записку Камфорину: «Становясь на путь полного разоружения, прошу следствие дать мне возможность дать полное развернутое показание» (с. 193). Буквально в этот день Камфорин, встретившись с К. Мамедбековым, задает вопрос: «Намерены ли Вы действительно разоружиться?» И вот ответ: «Да, намерен, т.к. будучи уличен четырьмя очными ставками и предъявленными следствием документами, я решил прекратить сопротивление и встать на путь признания.

Следствием вполне обоснованно предъявлено мне обвинение в активном моем участии в контрреволюционной буржуазно-националистической террористической организации, действовавшей в Дагестане в блоке с правыми и троцкистами, в чем я признаю себя виновным полностью.

В этой организации я состоял с 1922 года до момента ареста и был в руководящем ядре организации». (Все, что мы считаем заслугой К. Мамедбекова в 20-30-х годах, оканчивается, его выдумки?! Поверить в это утверждение невозможно).

И последний **вопрос**: «Кем и когда вы были завербованы в организацию?»

Ответ: Точно не помню (!), в 1921 и 1922 г. в г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) вскоре после объявления автономии Дагестана» (Эта неуверенность Мамедбекова выдает его неправду!) (с. 192).

Постановление, утвержденное наркомом внаудел ДАССР Ломоносовым, о передаче следственного дела за №5948 в двух томах на 490 листах «по обвинению Мамедбекова Керима в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 1-а, 58 п. 2, 58 п.6, 58 п.8, 58 п. 10, 19-58 п. 9 и 11 УК РСФСР» (т.е. с целым букетом обвинений), было вместе с обвиняемым отправлено в НКВД СССР.

«Материалами следствия, – отмечалось в нем, – с достаточной полнотой доказано, что Мамедбеков Керим является одним из руководителей вскрытой в Дагестане антисоветской буржуазно-националистической террористической пантюркистской организации, действовавшей с начала 1920 года» (с. 15) (т.е. чуть ли не со дня окончательного установления советской власти в Дагестане, а ведь Керим Мамедбеков считал себя завербованным в 1921 или 1922 г., «вскоре после объявления автономии». Вот и верь утверждениям палачей! Но никто не собирался объективно разобраться в выдуманном следственном деле!).

Далее постановление указывает на цели, которые преследовали «мятежники»: «Вышеназванная организация входила в пантюркистский межнациональный центр» и, смыкаясь с правыми и троцкистами, ставила основной своей целью через вооруженное восстание (!), при поддержке некоторых капиталистических государств, вооруженным путем свергнуть соввласть (!) и создать буржуазно-демократическую республику под протекторатом Турции (!) (подчеркнуто мной. – Авт.).

Вместо того, чтобы всеми силами сопротивляться выдвинутому беспочвенным обвинениям, Керим Мамедбеков, обратившись с заявлением к наркому Ежову, каялся, «что в течение 8 месяцев я сопротивлялся на следствии и поэтому **не дал правдивых показаний о своей преступной антисоветской работе**». «Я признаюсь виновным в том, – писал он, – что до ареста являлся участником антисоветской буржуазно-националистической организации, действовавшей в Дагестане. В эту организацию я был вовлечен в 1924 г. (а до этого говорил: «не помню, в 1921 или 1922!») бывшим тогда пред. Совнаркома Коргмасовым». Вот и пойми, когда контрреволюционная организация действовала – в 1920, 1921, 1922 или 1924 г. Никто в те годы такими «мелочами» не занимался... Печальная участь великих людей...

После этого дело Керима Мамедбекова рассмотрело 7 октября 1938 г. закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Подсудимый был ознакомлен с обвинительным заключением. Ему разъяснили его права на суде. Здесь-то К. Мамедбеков мог сказать всю правду, однако, он снова признает свою вину и в последнем слове просит «учесть его искреннее раскаяние и отнестись к нему снисходительно». Но судьи учли его чистосердечное признание и не нашли возможным

выполнить его просьбу о снисхождении. Военная коллегия, возглавляемая Ульрихом, 7 сентября 1938 г. приговорила Мамедбекова Керима Гусейновича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу и в тот же день приговор был приведен в исполнение (ЦГА РД. Ф. Р-1404. Оп. 2. Д. 2/36 33. Т. 1.Л. 243).

Как отмечает С.И. Сулейманов, почти через 20 лет историческая справедливость восторжествовала: определением военной коллегии Верховного Суда СССР от 8 февраля 1956 г. приговор в отношении Мамедбекова Керима Гусейновича был отменен и дело о нем за отсутствием состава преступления производством прекращено (с. 144).

Однако, хотя бы кратко, вернемся к тем именам, которые были отмечены в допросе Д.А. Коркмасова. Те лица, которые признали себя виновными и просили суд учесть их чистосердечное признание, были беспощадно расстреляны. Это касалось Н. Самурского, А. Тахо-Годи, самого Д. Коркмасова, М. Долгата, К. Мамедбекова и других. Но среди них были люди, которые активно защищали себя. Взять хотя бы Багаутдина Астемирова или Гаджибека Гаджибекова, которых назвал Коркмасов в своем допросе 13 июля 1937 г., классифицировав их как участников контрреволюционных организаций в Дагестане (с. 184).

В 2008 г. в Махачкале издана книга Фариды Астемировой «Время – честный судья», в которой, используя многие материалы об отце, она обрисовала кипучую жизнь и светлую биографию Багаутдина Аджиевича Астемирова, бывшего первого председателя Союза писателей Дагестана, наркома просвещения республики, видного поэта. Он так же, как и другие, попал в лапы Ломоносова, Конорева, Демочки, Камфорина, которые сварили огромное «антисоветское» дело. И вот что Астемиров писал: «Буржуазным националистам я никогда не был и не мог быть... Обвинение меня в принадлежности к бурнацорганизации явилось для меня совершенной неожиданностью, когда передо мною об этом впервые в июле 37 года поставил бывший председатель НКВД ДАССР, ныне разоблаченный враг народа, Ломоносов. Тогда же я ему категорически ответил, что я никогда в жизни ни в каких контрреволюционных организациях не состоял и о существовании в Дагестане бурнацорганизации впервые слышу от него. Тогда Ломоносов потребовал от меня дать показания о своей принадлежности к этой организации и предупредил, что он знает, что я упорный человек, «но ваше упорство ни к чему не приведет, и мы заставим вас дать показание...». С этого началось «следствие» по моему делу, выразившееся в голом требовании «признаться», угрожая тем, что доведут до того, что «умереть не дадим и жить не будешь». И так начались неслыханные методы физического и морального воздействия, неоднократные стойки на ногах без права на сон и лишение пищи совершенно в течение 3 дней, содержание в течение 8 месяцев буквально на голодном пайке... Несмотря на все это, я терпеливо доказывал следователям свою непричастность к упомянутой бурнацорганизации».

Другой эпизод: «Они меня повели в баню. Все это происходило в 2 часа ночи... В бане мне связали руки назад тонким шпагатом, и одним ударом в бок Конорев свалил меня на пол. Демочка сел на мою голову. Конорев расстегнул мне брюки и начал бить резиновой палкой, спрашивая: «Состоял в бурнацорганизации? Вербовал тебя Коркмасов?». Камфорин командовал: «Бить до тех пор, пока не признается». Я задыхался и все твердил, что ни в чем не виноват. Но скоро убедился, что выхода нет из этих физических и моральных страданий, кроме как удовлетворить их требования, и крикнул: «Прекратите это издевательство! Да, я состоял и завербован Коркмасовым». (Вот как действовали в Дагестане Ломоносов и его подручные!).

«После моего «признания» в бане, – писал Б.А. Астемиров в кассационной жалобе, посланной им Генеральному прокурору СССР 3 июля 1954 г., – вся эта выдуманная ими ложь и клевета была оформлена «протоколами допросов» моим следователем Конаревым в течение 15 дней, и я вынужденно подписывал их». Это делали и Д. Коркмасов, и К. Мамедбеков, но в отличие от них Б. Астемиров написал: «Оставалось ждать первой возможности рассказать эту чудовищную клевету на себя и на других» (с.168). Более того, он смело заявил: «Вся эта ложь и клевета, добытая пытками, без всякого критического анализа положена в основу судебного решения В.С. Военного Трибунала СКВО. Заштам-

повав всю эту подлую ложь, суд осудил меня, человека, вышедшего из бедной крестьянской семьи, получившего воспитание в течение десятков лет в комсомоле и в партии Ленина-Сталина, ни за что на 20 лет, человека, который не имел за собой за 16 лет пребывания в партии ни одного взыскания и никакого уклона от генеральной линии партии» (с. 170).

Обо всем этом я написал в рецензии «Несгибаемый борец», опубликованной в «Дагестанской правде» 30 декабря 2009 г.

Что касается Гаджибека Ахмедхановича Гаджибекова, человека достойного, одного из первых кандидатов наук, директора Института национальных культур, первого редактора лезгинской областной газеты «Цийи дуьнья», первого заместителя Д.А. Коркмасова по ЦК нового дагестанского алфавита, то он под напором попыток и избиений вначале дал «признательные показания» о принадлежности его к контрреволюционной буржуазно-националистической организации в Дагестане, а позже категорически отказался от них. И вот какой разговор состоялся в тюрьме.

Вопрос: В антисоветской работе Вас изобличает один из основоположников и руководителей антисоветской буржуазно-националистической организации Коркмасов.

Ответ: Я антисоветской работой не занимался. Это ложь.

Вопрос: Изобличает Вас также второй руководитель антисоветского подполья Мамедбеков о вашей причастности к этому подполью.

Ответ: Мамедбеков лжет, пусть скажет, какой конкретной антисоветской работой я занимался.

Вопрос: 20 марта 1940 г. Вам предъявлено обвинение по ст. 58-2 и 58-II УК РСФСР. Признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Нет, виновным себя не признаю, о существовании антисоветской организации мне стало известно (!) только на следствии.

Каждый, читающий эти строки, может сказать: «Молодец Гаджибеков, показавший себя крепким орешком». Мучения Гаджибекова в дагестанских тюремных застенках начались с 16 сентября 1937 г. и продолжались до 3 апреля 1940 г., но он выдержал все испытания. Ознакомившись со своим делом на 203 страницах, Гаджибеков попросил устроить очные ставки с Коркмасовым, Мамедбековым и другими (в просьбе отказано ввиду того, что они еще в 1937 г. были расстреляны).

Через 2,5 года со времени ареста Особое совещание при НКВД СССР постановило «Гаджибека Гаджибекова за участие в антисоветской националистической организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, считая срок с 16 сентября». (Вот чего добился Гаджибеков – не расстрела, а 8 лет каторги, хотя и это решение было несправедливым). (См.: Джонрид Ахмедов. Гаджибек Гаджибеков – человек, ученый, писатель. – Махачкала, 2002. С. 105–107).

Подытоживая сказанное, надо отметить, что автор книги С.И. Сулейманов в монографии «Керим Мамедбеков» отразил многие, до сих пор неизвестные данные, почерпнутые из ЦГА РД, Архива УФСБ РФ по РД, РГАСПИ, многих газет, воспоминаний, статей и книг революционеров и ученых. Все это, естественно, обогатило проведенный глубокий анализ жизни и деятельности видного общественно-политического и государственного деятеля Дагестана. Уверен, что читатели с большим интересом прочтут книгу.

Вместе с тем, на мой взгляд, в монографии имеются некоторые недостатки и упущения.

Невозможно согласиться с выводом автора, высказанным им на с. 96:

«Насилие в обществе было во все времена. В истории развития государственности **не было режима, который бы не карал своих противников.** Однако методы и размеры этого были самые разнообразные. В том, что произошло в нашей стране, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них территории. В равной степени это вина ложится не только на руководство и активных исполнителей его воли, но и **на весь народ (?!)**». Спрашивается: причем тут народ? Неужели в мире не было и нет справедливых государств?

Говоря о борьбе государства против кулачества и мусульманской религии, надо было подчеркнуть, что во второй половине 20-х – 30-х гг. были приняты неправомерные,

беспрецедентные меры против них (в книге можно было покритиковать органы советской власти, которые своими действиями привели к ожесточению в обществе и к голоду населения).

Не всегда карательные органы поступали правильно.

На с. 133 автор чуть-чуть затронул вопрос о склоках, чванстве отдельных руководителей и отметил: «Да и методы коллективности руководства у нас были не в почете». Эту проблему, на мой взгляд, можно было показать пошире.

И последнее: в книге печатается немало документов, публиковавшихся в других книгах: «Репрессии 30-х годов в Дагестане», «Книга памяти жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX вв. в Дагестане» и других.